

Лун Юй, как и обещал, управился за месяц. Кисть из черного нефрита вышла безупречной: длинное, идеально гладкое тело инструмента украшала едва различимая вязь Цветов берега. На этот раз он прибегнул к технике внутренней резьбы — задача невероятной сложности. Сначала он полым сверлом проделал внутри нефрита канал, не толще рисового зернышка, а затем, вооружившись особыми резцами, принялся вырезать узоры прямо изнутри. При каждом повороте кисти лепестки Цветов берега словно оживали, меняя очертания, а в самой гуще соцветий скрывался иероглиф «Юй» — увидеть его можно было лишь под определенным углом. Каждая линия, каждый штрих были вырезаны его собственной рукой.

Конечно, Лун Юй мог бы призвать на помощь гуа, чтобы облегчить труд, но он предпочел сделать всё сам. В полое пространство внутри кисти он поместил тончайшую цепочку, сплетенную из собственных волос и прядей Я И. Когда наверху было закреплено, а пучок для письма — собран из их младенческих волос, обнаружилась странная деталь: снаружи ворс был черным, а в самой середине отливал пурпуром, словно одна стихия оберегала другую. Лун Юй с нескрываемой нежностью взглянул на Я И, а тот лишь смущенно коснулся кончика носа, предпочитая хранить молчание.

— Тебе нравится? — Лун Юй наблюдал, как Я И вертит подарок в руках, и он невольно улыбнулся.

— Мне дорого всё, что ты делаешь, Циньцин, — Я И взвесил кисть на ладони. Благодаря пустоте внутри она не казалась тяжелой, но и не была слишком легкой — вес был выверен идеально. Она лежала в руке как влитая.

— Попробуй, какова она в деле, — Лун Юй расстелил лист рисовой бумаги и принялся растирать тушь. — Что напишешь? — спросил он, обернувшись, и встретил взгляд, полный безграничного обожания.

Я И, замороженный его движениями, ощутил, как сердце наполняется сладостью. Он притянул Лун Юя к себе, обнял со спины и, накрыв его ладонь своей, окунул кисть в чернила. По бумаге уверенно скользнули два иероглифа: «Моя любовь».

Он заглянул Лун Юю в глаза.

— Циньцин, — негромко позвал он. Его голос, глубокий и низкий, обволакивал, словно песня сирены. — Возлюбленный мой.

Больше слов не требовалось.

— Я знаю, — Лун Юй улыбнулся, согретый этим признанием. Он чуть приподнял подбородок, потянувшись к губам Я И.

Но стоило им почти соприкоснуться, как из-за двери донесся голос Цай Аня. Тот понимал, что рискует навлечь на себя гнев хозяина, но медлить было нельзя.

— Господин, снаружи беспокойно.

Лун Юй мгновенно пришел в себя. Он выскользнул из объятий и приоткрыл дверь, а Я И недовольно поморщился, но тут же снова притянул супруга к себе.

Едва Врата Духов проявились в мире, Юэчжэн Куанлань тут же обнаружил их. Он привел своих спутников прямо к острову, где высились черные створки. Их было четверо: сам Куанлань, Хун Ивэнь, Фу Тянью и плененная ими Тао Юньяо. Хрустальный гроб с телом А-Нин Куанлань нес на собственной спине.

Створки Врат разошлись ровно настолько, чтобы внутри мог протиснуться человек. Куанлань, не раздумывая, шагнул в проем, и остальные последовали за ним. Их окружила беспросветная мгла, где не было ни солнца, ни луны — даже свет, лившийся снаружи, мгновенно пожирался тьмой. Не успели они пройти и нескольких шагов, как вдали показались огни величественной колесницы.

— Кажется, они близко, — Хун Ивэнь прищурился, прикидывая расстояние. — Скоро будут здесь.

— Приготовиться. Действуем немедленно, — скомандовал Куанлань. — Шанс только один.

Ивэнь и Тянью синхронно кивнули, обменявшись многозначительными взглядами. Для них это тоже была единственная возможность вырваться из этой ловушки.

Первым делом они подожгли драконью амбру, и Хун Ивэнь заиграл на флейте. С душами они не спешили — их нужно было выбросить лишь тогда, когда бабочки призрачной ночи прилетят на разведку.

Тяжелый аромат амбры первым ворвался в карету. Привратные призрачные огни заволновались, но стоило Ушану вспыхнуть ярче, как они тут же успокоились. Лун Юй поморщился, уловив запах.

— Драконья амбра, — он всегда предпочитал чистые, холодные ароматы, вроде «Снежного холода», что составлял Сяо Цзин. Эту же вонь он не выносил — слишком часто ему приходилось обонять её в Нефритовом поместье.

В те времена Лун Цзин обожал этот запах, и все нахлебники в поместье кинулись ему подражать. Лишь в Белой обители амбру никогда не жгли — ни при жизни Чжэнь Яо, ни когда Лун Юй остался там один. Это всегда бесило Лун Цзина. Глядя на сына, который и лицом, и характером был точной копией матери, он не знал, чего в нем больше — любви или ненависти.

Но если бы спросили Лун Юя, ответ был бы прост: он отца ненавидел.

— Какая мерзость, — Лун Юй брезгливо наморщил нос.

— Десятитысячелетняя серая амбра Черного Дракона. Редкая вещь, какой размах... только зря потратились, — в руке Я И вспыхнуло черное пламя, обдавшее салон могильным холодом. — Запах драконьих слюней и впрямь невыносим.

— Ха! — Лун Юй не сдержал смешка. — «Драконьи слюни» — точнее не скажешь! Они что, всерьез думают этим усмирить призрачные огни?

Несмотря на отвращение, он знал, что амбра обладает мощной мужской энергией Ян.

— Если бы не Ушан, у них мог быть шанс. Но против него бессильна любая амбра. До того как стать духом огня, Ушан питался драконами.

— Послушай, — Лун Юй прислушался к звукам флейты. — Это флейта из корня павлонии. Наводящая сон. Кто-то очень постарался. Как думаешь, чего они хотят?

Далеко не из каждого корня можно сделать такой инструмент. Этим искусством владели лишь древние оборотни. Клану Лоу такие хитрости были ни к чему — им проще было убить человека прямо в его сне, не тратя силы на музыку.

— Тут только твоя колесница, Циньцин. Очевидно, что пришли по твою душу. Хотя тактика ясна — хотят отвлечь бабочек.

— Сяо Хэй, проверьте, что там. Если что-то случится — притворитесь, что попались в ловушку, — распорядился Лун Юй. Он знал: ничто в этом мире не способно одурманить Сяо Хэя.

— Понял, — Сяо Хэй во главе роя бабочек метнулся во тьму. Ему не терпелось увидеть смельчака, решившего заигрывать со смертью.

Ушан и вожак подземных зверей Бугуй тоже получили тайный приказ Короля Подземного мира и послушно изобразили глубокий сон.

Увидев, как гаснут призрачные огни и валятся с ног звери, а туча бабочек устремляется в сторону, Куанлань торжествовал. Он выбросил души двух детей в противоположную сторону, и они тут же бросились в погоню.

Сработало! Подал знак остальным, Куанлань стрелой бросился к экипажу Минхоу.

Приблизившись к карете, они на всякий случай активировали защитный барьер. Куанлань до боли сжал в кулаке сариру, Хун Ивэнь продолжал играть, чувствуя, как стремительно тают силы. Он едва успевал глотать пилюли восстановления, мысленно проклиная Куанланя. Тот

явно вел свою игру, но, к счастью, запаса эликсиров Ивэню должно было хватить.

Внутри кареты Лун Юй переглянулся с мужем. Я И нежно коснулся его щеки губами.

— Если понадобится — позови, — он растворился в тенях, устроившись на сундуке в углу. Снаружи его невозможно было заметить — Король Подземного мира слился с темнотой.

Лун Юй, довольный послушанием супруга, толкнул дверь ногой. Точнее, он лишь коснулся её, а остальное сделал призрачный дух Цай Ань, заставляя створки распахнуться.

— Кто посмел чинить препятствия на пути супруга Подземного мира?! — его голос, высокомерный и властный, заставил незваных гостей вздрогнуть.

Но когда они увидели того, кто вышел к ним, флейта смолкла. Хун Ивэнь застыл с открытым ртом. Проклятье! Кто сказал, что Асуры уродливы? Перед ними стоял не монстр, а истинное искушение во плоти!

Остановка музыки напугала Куанланя, он уже готов был отступить, но заметил, что звери по-прежнему не шевелятся. Он не знал, что подземные твари куда умнее его самого и просто исполняют приказ господина, закрыв глаза.

Набравшись наглости, Куанлань заговорил:

— Прошу прощения за беспокойство, Ваше Высочество. Я здесь, чтобы просить об услуге.

Его рука, сжимавшая сариру, взмокла от пота, а гроб на спине казался неподъемным.

— Разве всякий мусор вправе ставить мне условия? — Лун Юй скептически усмехнулся. В своем черном одеянии с кровавым подбоем, с рассыпавшимися по плечам темно-пурпурными волосами, он выглядел как демон, ведущий грешников напрямиком в ад.

— Я не предлагаю условия, — Куанлань ожесточился. Он метнул сариру прямо в Лун Юя. — Я приказываю!

Золотистое сияние артефакта устремилось к межбровью Лун Юя — Куанланю нашептали, что это единственное уязвимое место Асуры.

Однако мечты разбились о суровую реальность.

Сарира застыла в воздухе перед самым лицом Лун Юя, захлебнувшись в потоках черно-красной энергии. Золотой свет померк, и артефакт мгновенно рассыпался в прах, поглощенный аурой

Минхоу.

Лун Юй явил свой истинный облик. Поскольку он был лишь наполовину Асурой, его уши лишь слегка заострились, а клыков не было вовсе. Но узор Фанло на лбу вспыхнул ослепительно ярко, а его взгляд, подобный двум багровым солнцам, пронзил саму суть вещей.

— И этой безделушкой ты надеялся меня остановить? — Лун Юй взглянул на последние крохи пыли на своих когтях, а затем перевел взор на гроб за спиной врага. Увидев лицо невзрачной женщины, он мгновенно всё понял. В нем пробудилось жестокое любопытство. — Хочешь спасти её?

От ледяного тона Лун Юя Куанланя пробрала дрожь. Он не ожидал, что Минхоу окажется настолько силен.

— Да, — выдохнул он.

— Что ж, я исполню твоё желание, — неожиданно согласился Лун Юй.

Преследователи опешили. Если всё так просто, зачем были нужны все эти сложности? Лишь Тао Юньяо почувствовала разочарование — неужели Куанланю всё сойдет с рук?

— Имя, дата рождения, — Лун Юй сжал в пальцах «Эфирную кисть», а в воздухе перед ним развернулось «Облачное зеркало».

— А-Нин. Год Дракона, месяц Дракона, день и час Дракона.

Рука Лун Юя на миг дрогнула. Рожденная в такой час...

Кисть вывела знаки на зеркальной глади, и та увеличилась, являя видение.

Маленький городок. Лавка тканей. Молодой хозяин ловко щелкает костяшками счетов. Из задних комнат выходит молодая женщина, тяжело ступая из-за огромного живота. В руках у неё чаша с супом. Мужчина тут же вскакивает, подхватывает чашу и бережно усаживает её, что-то ласково шепча и поглаживая округлившийся живот. Их взгляды полны нежности и тепла.

— Что это?! — вскричал Куанлань, чувствуя, как сердце сжимает ледяное предчувствие.

— Её перерождение, — Лун Юй коснулся зеркала, и время в нем побежало вспять. Мелькнуло младенчество, юность, пока не показался момент, когда её душа прибыла в Подземный мир.

Берег реки, где сплетаются красные и белые цветы. На мосту Нарака стоит обыкновенная женщина. Она вежливо кланяется госпоже Мэн, принимает чашу с отваром и выпивает её до капли. В её движениях нет ни тени сомнения, ни капли тоски. Она уходит за мост, в новую жизнь, ни разу не оглянувшись назад.

Куанлань застыл. Почему А-Нин не дождалась его? Они же обещали друг другу... Почему она даже не обернулась?

Тао Юньяо вдруг разразилась безумным смехом.

— Легко же ты проиграл, Куанлань! Даже она тебя бросила! Ха-ха-ха! — Столько лет она не чувствовала себя такой отомщенной.

— Не верю! Это ложь! Ты лжешь мне! — Куанлань взревел и бросился на Лун Юя.

Но в тот же миг вспыхнуло призрачное пламя, бабочки сомкнули кольцо, а Бугуй одним ударом копыта отшвырнул нападавшего прочь. Цай Ань сорвался с места, готовый снести безумцу голову, но Лун Юй остановил его:

— Назад, Цай Ань.

Тот покорно склонился перед хозяином. Лун Юй потрепал его по голове, глядя на поверженного врага.

— Смерть — это милосердие. Куда страшнее продолжать жить, когда впереди лишь вечное раскаяние. А вы... — он окинул остальных презрительным взглядом и усмехнулся: — Прочь с дороги.

Колесница медленно двинулась дальше. Прежде чем она исчезла в разломе, Я И бросил короткий взгляд в пустоту. Что-то невидимое и серое вдали со звоном разлетелось на куски.

Сы Вэй выронил зеркало. Осколки впились в пол, а из его правого глаза потекла густая, алая кровь.

«Всё такой же защитник своих...»

Врата Духов захлопнулись за колесницей. Те, кто вошел внутрь, больше никогда не увидят солнца.